

Неделя, 1983, июль,

№ 29

Маяковский мой и наш

Маяковский живет уже девяносто лет. И жить ему еще предначертано необычайно долго — века. Ибо у него был свой эликсир бессмертия — талант, закаленный в огне величайшей из революций, выкованный молотом строителей социализма.

Почему он так любил разговаривать с солнцем, «с живыми», с потомками, с эпохой? Может, потому что не терпел отвлеченности, безликости во всем, что было для него самым дорогим? М. Лукошин писал, что поэзия Маяковского «питалась высшей потребностью человеческого общения», «видением высшей коммунистической цели».

Мечтал ли он о том, что, пройдя сквозь любовь и ненависть, понимание и злобу, сквозь годы и судьбы, вступит в грядущее и вся страна будет праздновать день его рождения? «Я хочу быть понят моей страной» — это его слова, и в них — вера.

Бескомпромиссность его служения партии и народу поразительна, она вызывает восхищение у читателей поэта и не раз заставляла умолкнуть его недругов. В стихах, поэмах, киносценариях, пьесах, статьях, публичных выступлениях перед эпохой предстал всегда один Маяковский — трибун и борец. В одной из своих самых последних статей Владимир Владимирович писал: «Ноющее делать легко, — оно щиплет сердце не выделкой слов, а связанными со стихом посторонними параллельными ноющими воспоминаниями».

Ноющего он никогда не «делал», хотя «параллельных» воспоминаний к тому времени у него накопилось немало.

Прежде чем сесть за письменный стол и писать о Маяковском, я спустился в метро на станции «Пушкинская» и приехал на станцию «Маяковская». Поэзия — та же езда в незнаемое, — так говорил Маяковский. И вдруг мне подумалось о том, что у поэзии-езды есть свои узловые станции — с них начинаются новые трассы и они уводят вдаль, в пространство и время, в будущее.

Поэзия Маяковского, его публицистика стали той «станцией», без которой советская литература, ее движение и развитие были бы затруднены.

Говорят, незаменимых людей нет... Неправда это! Есть незаменимые люди — неразменные, цельные, гранитной веры, и после ухода стоящие гранитом...

И не объехать этот гранит-памятник, не обойти его стороной, как бы иные ни исхитрялись это сделать.

— А что вы пишете? — спрашивали у Маяковского и спрашивает ныне Маяковский. Поэт иронизировал:

«Кошкин. Работает над повестью из жизни фабрично-заводского пролетариата северного и южного полюсов над обоюдным названием «Полюс на полюс».

Сметанчик. Пишет роман — двенадцатилегию из жизни последней дюжины египетских фараонов».

И тут же, сменив иронию на огромную требовательность к себе и своим собратьям по литературному оружию, поэт утверждал:

— Главной работой, главной борьбой, которую сейчас необходимо вести писателю, это — общая борьба за качество.

И снова та же мысль:

— С этим должны бороться все. Об этом орет мой стих «Передовая передового».

В нем есть такие строки:

Наша

в коммуны

не иссякнет вера.

Во имя коммуны

жмись и мнись.

А сам — не жался и не мялся, а неистово работал во имя коммуны, и всем своим трудом подтверждал в поэзии великолепно сформированное им же: «Марксизм — оружие, огнестрельный метод, применяй умеючи метод этот».

Из девяти десятков лет жизни поэта пять приходятся на время за той чертой, которую провел в его судьбе трагический апрель 1930 года. Но еще в январе того же года он в поэме «Во весь голос» писал о красоте жизни и поэзии...

У каждого из нас — свой Маяковский. Ибо Маяковского нельзя постичь только по хрестоматиям, ему тесны их рамки — высокому и звонкому поэту революции, перешагнувшему силой своего необыкновенного таланта рамки эпохи.

Мой Маяковский — тот, который сказал:

Явившись

в Це Ка Ка

идуших

светлых лет,

Над бандой

поэтических рвачей и выжиг

я подыму

как большевистский партбилет

все сто томов

моих

партийных книжек.